

Изъ записокъ Н. В. Исакова.

Кавказскія воспоминанія.

(Періодъ войны съ горцами 1846 и 1848 годовъ).

Кавказскія воспоминанія Николая Васильевича Исакова имѣютъ значеніе цѣннаго первоисточника по изслѣдованію хода войны въ Дагестанѣ въ 1846, 47 и 48 годахъ и представляютъ огромный интересъ по своему содержанию.

Прежде всего, что въ этихъ воспоминаніяхъ всего дороже, — это *отсутствіе лицепріятій и правда*. Впечатлѣнія наблюдательнаго и просвѣщеннаго Н. В. Исакова представляютъ намъ въ истинномъ свѣтѣ ходъ войны на Кавказѣ въ періодъ 46—48 годовъ. При живомъ изложеніи непосредственныхъ впечатлѣній и массѣ характеристикъ внѣ всякихъ тенденцій и лицепріятій воспоминанія читаются съ захватывающимъ интересомъ.

Воспоминанія обнимаютъ указанный періодъ войны на восточномъ Кавказѣ послѣ столь неудачнаго для насъ похода графа Воронцова въ *Дарго* и *Ичкерію* и захватываютъ главнымъ образомъ четыре экспедиціи: первую противъ *Гергебиля*, — противъ *Салты*, вторую противъ *Гергебиля* и экспедицію кн. *Аргутинскаго* для освобожденія осажденной Шамилемъ нашей крѣпостцы *Ахты*.

До сихъ поръ принято почему-то считать, что машинально повторилъ и Исаковъ, что послѣ опыта 1845 года графъ Воронцовъ будто бы перешелъ къ правильной системѣ покоренія Кавказа, что однако совершенно невѣрно, и изложеніе событій Исаковымъ только лишній разъ подтверждаетъ, что до правильной системы было еще далеко.

Операція 1846 года не представляли ничего существеннаго и опредѣленнаго, а въ концѣ этого года осматривавшій графъ Воронцовъ представилъ свои соображенія на 1847 годъ, соображенія о работахъ чисто оборонительнаго характера, по устройству штабъ-квартиръ на Чеченской линіи и въ сѣверномъ, среднемъ и южномъ Дагестанѣ, заселенія р. *Сунжи* станциями, возведенія башенъ, устройствѣ дорогъ и др. т. п. предпріятій, имѣвшихъ значеніе подготовки къ активному переходу къ правильной системѣ, при чемъ въ представленіи Воронцовымъ указаннаго проекта работъ добавлено: „никакихъ наступательныхъ дѣйствій, хотя служащихъ къ славѣ нашихъ войскъ, но не приносящихъ существенной пользы“.

Но, въ началѣ 1847 года (13-го марта), подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ причинъ и вопреки мнѣнію опытныхъ кавказскихъ генераловъ, Воронцовъ рѣзко измѣняетъ установленную имъ программу дѣйствій и принимаетъ рѣшеніе вести наступательныя дѣйствія въ Среднемъ Дагестанѣ съ цѣлью постепеннаго овладѣнія сильными отъ природы и сильно укрѣпленными искусственно аулами: *Гергебиль*, *Салты*, *Чокъ*, *Ирибъ* и др.

Не желая нарушать принятаго имъ послѣ 1845 года принципа рѣшенія—*дать свободу дѣйствіямъ главнокомандующему на Кавказѣ*, Императоръ Николай, не раздѣляя мнѣній о наступленіи въ Дагестанѣ, предоставилъ Воронцову дѣйствовать по его соображеніямъ, указавъ только между прочимъ, что *Гергебиль* едва-ли удобенъ для построенія здѣсь самостоятельнаго укрѣпленія.

Такимъ образомъ графъ Воронцовъ, не слѣдуя системѣ Ермолова и Вельяминова, готовился повторить ошибки многихъ лѣтъ прошлаго и наступать тамъ, гдѣ намъ слѣдовало держаться обороны, тѣмъ болѣе не предпринимать штурмы этихъ недоступныхъ лезгинскихъ ауловъ, въ которыхъ нельзя удерживаться и что являлось непроизводительной тратой силъ и средствъ и сопряжено съ лишеніями и съ громадными потерями.

Въ 1847 году была предпринята экспедиція противъ труднодоступнаго и сильнаго аула *Гергебиль*. Взятіемъ *Гергебиля*, говоритъ Исаковъ, Воронцовъ хотѣлъ поправить непріятное въ Петербургѣ впечатлѣніе, оставленное его походомъ въ Дарго въ 1845 году. Несмотря на полную неудачу подъ *Гергебилемъ*, граничившую съ пораженіемъ, Воронцовъ въ томъ же году перешелъ къ осадѣ другого подобнаго же по силѣ аула *Салты*, въ слѣдующемъ 1848 году противъ того же *Гергебиля*, а въ 1849 противъ *Чохы*. Правильная система покоренія Кавказа

требовала сосредоточенія всѣхъ средствъ и усилій въ *лѣсистой Чечнѣ, въ которой и заключался ключъ къ покоренію Кавказа, а не въ дикомъ, непреступномъ и лишенномъ всѣхъ средствъ для жизни Дагестанѣ.*

Хотя въ Чечнѣ и были намѣчены операція подготовки проложенія „передовой Чеченской линіи“, но далеко не въ полнотѣ и не съ требуемой энергіею, а лишь какъ полумѣры.

Только послѣ 1849 года, послѣ разгрома третьяго подобнаго аула Чоха ¹⁾ Воронцовъ бросилъ погоню за овладѣніемъ лезгинскими аулами Дагестана, которыхъ, при желаніи, можно было находить десятками, и не предвидѣлось конца войны.

Воронцовъ видимо преслѣдовалъ задачу поражать Петербургъ донесеніями о разнаго рода „взятіяхъ“ и „штурмахъ“, такъ какъ Петербургъ и русское общество требовало отъ новаго начальника края скорыхъ и громкихъ дѣлъ, а правильная система покоренія Кавказа требовала времени и не давала тѣхъ громкихъ дѣлъ, которыя удовлетворяли Петербургъ и общество. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ своего начальствованія чистолюбивый и самоувѣренный Воронцовъ подчинился этимъ требованіямъ или неизвѣстнымъ намъ вліяніямъ, пока сила вещей не повернула его къ негромкой, непоказной и невидной правильной системѣ, т.-е. къ систематическому движенію въ Чечнѣ подступами къ югу вплоть до подножія непреступнаго Дагестана, чѣмъ отнимались у горцевъ всѣ средства къ жизни: эта и была та „постепенная атака Кавказа“, о которой настаивалъ знаменитый Вельяминовъ, сравнивая Кавказъ съ крѣпостью, обороняемой многочисленнымъ и отважнымъ гарнизономъ.

Потерявъ цѣлыхъ 5 лѣтъ, Воронцовъ только съ 1850 года перешелъ къ сосредоточенію главныхъ усилій въ Чечнѣ и нѣсколько приблизился къ цѣли, но тутъ подошли событія войны 1853—55 гг., что отвлекло наши силы и средства на турецкую границу и въ Арменію, и только съ 1856 года возобновились операція правильной системы покоренія Кавказа въ періодъ управленія краемъ княземъ Бяратинскимъ. Князь Бяратинскій съ крайней энергіею провелъ систему покоренія восточнаго Кавказа, имѣя

¹⁾ Осада Чоха шла подъ начальствомъ одного князя Аргутинскаго и, будучи повтореніемъ Салтовъ и Гергебили, кончилась полнымъ разрушеніемъ аула, но князь Аргутинскій, вѣрный принципу—беречь дорогую кровь героевъ, имѣлъ гражданское мужество не предпринимать ради безцѣльнаго подвига и громкаго дѣла штурма, по обращеніи аула въ груды развалинъ, отвелъ войска назадъ, за что подвергся неважному осужденію близорукихъ и неразумныхъ критиковъ.

такого организатора системы и плана, какъ незабвенный графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, и такого главнаго исполнителя въ Чечнѣ, какъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ; благодаря дѣятельности главнымъ образомъ именно этихъ двухъ знатоковъ Кавказа, сдерживавшихъ нетерпѣливаго князя Барятинскаго, одного— какъ организатора, все тщательно предусмотрѣвшаго, и другого— какъ опытнаго исполнителя, человѣка съ несокрушимой энергіей, и, опираясь на славныя войска кавказской арміи, и состоялось покореніе восточнаго Кавказа въ 1859 году.

Осадой Гергебиля руководилъ самъ князь Воронцовъ, имѣя подъ рукой своего начальника штаба *Коцебу* и князя *Бебутова*— какъ начальника отряда. Князь Аргутинскій, предчувствуя неудачу и большія потери, былъ все время не въ духѣ. Штурмъ Гергебиля кончился полной неудачей, граничившей поражениемъ, и сопровождался громадными потерями (5 шт.-и 32 об.-офицера, 582 н. ч., не говоря о потеряхъ отъ холеры и лишеній). На оправдательное донесеніе князя Воронцова, Императоръ Николай писалъ ему: „Получилъ съ прискорбіемъ, оно было бы еще больше, если бы я не зналъ, что вы дорожите кровью храбрыхъ войскъ и безъ крайней нужды не рѣшились бы ими жертвовать. Неудача сія служитъ однако новымъ опытомъ, что не-всегда достаточно одной отважной храбрости, чтобы одолѣть препятствіе свыше человѣческихъ силъ противъ непріятеля не менѣе храбраго и особенно искуснаго въ оборонѣ. Вы сами это лучше знаете и мнѣ этого достаточно, чтобы остаться въ надеждѣ, что подобныя предпріятія безъ надобности не повторятся“.

Тяжелая неудача подъ Гергебилемъ, крупныя потери, лишенія и личное мнѣніе Государя не остановили Воронцова въ продолженіи намѣченной имъ программы и въ то же лѣто, послѣ короткаго отдыха, Воронцовъ предпринялъ осаду подобнаго же аула Салты.

Началась новая осада, сопровождавшаяся рядомъ взаимныхъ геройскихъ подвиговъ и сопряженная огромными лишеніями и тяжкими потерями. Проявивъ обычное геройство, отбивъ два штурма и противопоставивъ нашимъ сравнительно богатымъ осаднымъ средствамъ поразительное искусство обороны, на наши мины отвѣтивъ контрминами и переживая всѣ ужасы осады, стойко держались 50 дней. Наконецъ они добровольно и благополучно ушли, оставивъ намъ кровавыя развалины аула, обошедшіяся намъ въ 100 офицеровъ и 2.000 нижнихъ чиновъ потери.

Въ опытныхъ рукахъ князя Аргутинскаго Гергебиль палъ въ то же лѣто 1848 года, и на этотъ разъ горцамъ мы нанесли сильное пораженіе, но потери наши все же были значительны.

За Салты и второй Гергебиль князь Аргутинскій былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ—рѣдкая по времени и для Кавказа награда, показывающая, что Императоръ Николай, вдали отъ событій, оцѣнилъ князя Аргутинскаго.

Занятіе ауловъ Салты и Гергебиля въ Дагестанѣ, въ общемъ ходѣ покоренія Кавказа, имѣло ничтожное, если даже не отрицательное значеніе, и никогда не могло окупить огромной затраты времени, силъ, средствъ и особенно несоразмѣрныхъ потерь въ людяхъ, утвердиться на этихъ развалинахъ было немислимо, да и бесполезно, и мы развѣ только что лишили Шамиля возможности назначать въ этихъ пунктахъ мѣста сборовъ войскъ для производства набѣговъ въ южный Дагестанъ, но, во-первыхъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи другіе для этихъ цѣлей пункты, во-вторыхъ, этимъ не исключалась возможность производства самихъ набѣговъ, что Шамиль и блистательно доказалъ въ томъ же году, вторгнувшись въ южный Дагестанъ и осадивъ нашу крѣпостцу Ахты.

Войска уже были распущены на отдыхъ, когда князю Аргутинскому пришлось внезапно направить войска на новые сборы и съ возможной быстротой спѣшить на освобожденіе геройскаго гарнизона. Освобожденіемъ Ахты, исполненнымъ искусно, а гдѣ то требовалось и рѣшительно, кончается участіе Н. В. Исакова въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ. Пораженіе горцевъ на этотъ разъ было полное, и только трусость протеже Воронцова генерала Бюрно, не отрѣзавшаго съ своей колонной (на военно-ахтинской дорогѣ) отступленія горцамъ, дала имъ возможность избѣжать еще большаго пораженія.

Посланный курьеромъ съ донесеніемъ объ освобожденіи крѣп. Ахты Императору Николаю, Исаковъ, назначенный флигель-адъютантомъ, болѣе на Кавказъ не возвратился.

Нелицеприятное свидѣтельство Исакова обо всѣхъ этихъ событіяхъ весьма цѣнно.

Особенно цѣнны въ правдивыхъ разсказахъ Исакова характеристика главныхъ военныхъ дѣятелей: *графа Воронцова, князя Аргутинскаго, князя Бебутова, Коцебу, князя Барятинскаго, Евдокимова* и многихъ другихъ второстепенныхъ, какъ *Бюрно, Мищенко* (Ивана Кузьмича), *Глѣбова, Ушакова, Бибанова* и др.

берегъ р. *Сунжи* покрылся казачьими станицами, а новыя штабъ-квартиры Кабардинскаго и Нижегородскаго драгунскаго полка *Хасавъ-Юртъ* и *Чиръ-Юртъ* связали Чеченскую линію на Кумыкскую плоскость съ Шамхальскими владѣніями (съ *Шурой*), но всѣ эти операціи можно было вести съ большими силами, средствами и энергіею, и тогда *Воронцовъ* дождался бы конца войны въ восточномъ Кавказѣ во время своего управленія краемъ, до войны 1853—56 гг.

Только съ 1850 года графъ *Воронцовъ*, хотя и не со всей требовавшейся нашими интересами энергіею, но перешелъ болѣе или менѣе къ правильной системѣ въ Чечнѣ, къ системѣ, не дававшей громкихъ дѣлъ, а требовавшей болѣе борьбы съ природой и болѣе топора и лопаты, чѣмъ штыка, болѣе разчета и выносливости, чѣмъ безумной храбрости и вообще требовавшей здѣсь вполнѣ умѣстнаго терпѣнія.

Подобно воспоминаніямъ *барона Торнау* ¹⁾, *графа Бенкендорфа* и *князя Дундукова-Корсакова*, воспоминанія *Исакова* не чужды тѣхъ поэтическихъ сторонъ службы и быта, которыми такъ полна была эта въ непрестанной близости смерти боевая жизнь Кавказа.

Полное зачастую невыносимыхъ лишеній и непрестанной смертельной опасности и, одновременно, полное какого, то притягательнаго очарованія протекало это время войны на Кавказѣ, оставившее въ кавказской арміи неизгладимый слѣдъ на ея бытѣ и на взаимоотношеніяхъ чиновъ ея и до нашего времени, и какъ вѣчна грозная и чудная природа Кавказа, такъ вѣченъ и боевой духъ славной кавказской арміи.

Б. Колубакинъ.

I. Приѣздъ на Кавказъ. Штабъ кн. *Воронцова*. Воспоминанія о *Даргинской* экспедиціи. II. Движеніе въ малую Чечню. III. Возвращеніе въ *Тифлисъ*. А. Н. *Муравьевъ*. *Тифлисское Общество*. Командировка на *Сурамъ*. IV. Назначеніе въ штабъ кн. *Аргутинскаго*. *Дербентъ*. Экспедиція въ *Гергебиль*.

I.

Въ концѣ зимы 1846 г. великимъ постомъ, я отправился на Кавказъ. Распутицей въ саняхъ и на колесахъ, я дотащился до *Владикавказа*. Дорога ничего не оставила въ памяти. На одной изъ станцій, за *Новочеркасскомъ*, обогнала меня карета, на коз-

¹⁾ *Баронъ Федоръ Федоровичъ Торнау* оставилъ замѣчательныя воспоминанія о службѣ на Кавказѣ, представляющія, помимо спеціальнаго интереса, и превосходное по идеямъ и изложенію литературное произведеніе.

лахъ которой была привязана клѣтка съ попугаемъ. Потомъ я узналъ, что одинъ изъ адъютантовъ кн. Воронцова (изъ числа одесскихъ) довольно престарѣлый, сопровождалъ въ каретѣ m-elle Негмансе, ѣхавшую къ кн. Сергѣю Кочубею въ Тифлисъ, и попугай былъ ея. А въ Тифлисѣ я узналъ, что этотъ адъютантъ былъ курьеромъ, везшимъ гр. Воронцову титулъ князя, о которомъ главнокомандующій узналъ однако изъ газетъ. Таковы были нравы въ старомъ (одесскомъ) штабѣ у Воронцова.

Первое впечатлѣніе во Владикавказѣ было поразительно: близость снѣговыхъ горъ для непривычнаго глаза казалась такою, что дѣлалось холодно, смотря на нихъ. Въ первый разъ я стоялъ такъ близко къ такимъ гигантамъ; одинъ другого величественнѣе: Эльбрусъ и Казбекъ. Переѣздъ черезъ горы былъ отчасти снѣжный, черезъ только что осыпавшіеся завалы; все было громадно, мрачно, поражающе. Пропасть, при туманѣ ее наполнявшемъ, вызывала головокруженіе; безъ тумана—виднѣлись внизу какія-то точки, которыя ямщикъ называлъ аулами; пропасть казалась бездонною и такъ и тянула въ себя.

Спускаясь съ горъ въ Грузію, весна разомъ охватила меня, картины смѣнялись все болѣе и болѣе плѣнительными, дорога шла все вдоль обрывовъ, но зелени было уже много, солнце начинало сильно пригрѣвать.

Въ Тифлисѣ, представившись по начальству: главнокомандующему, начальнику его штаба Гурко¹⁾, его помщнику Гогелю и оберъ-квартирмейстеру Норденстаму, я сталъ знакомиться съ сослуживцами и обществомъ. Гурко былъ на отъѣздѣ, Коцебу былъ уже назначенъ. Кн. Воронцовъ, кажется, желалъ разстаться съ Гурко. Была ли этому причина Даргинская экспедиція, или и многія другія, но Гурко, проведшій нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ при Нейдгартѣ, не оставлялъ послѣ себя ни воспоминаній о военныхъ удачахъ, ни сожалѣній, какъ о начальникѣ штаба, несмотря на всѣ его хорошія качества и солидныя военныя познанія.

Затѣмъ между служащими довольно замѣтно выдѣлялись двѣ колоніи: одна Генеральнаго Штаба, другая — такъ называемая нѣмецкая. Первая помѣщалась въ деревнѣ въ верхнемъ этажѣ. Тамъ жили: полковникъ Ходзко, полякъ по происхожденію, братъ извѣстнаго историческаго писателя, маленькій, сѣдой, старый кавказецъ, геодезистъ по специальности, добрый и милый, не безъ хитрости однако же; полковникъ Альбрантъ, потерявшій

¹⁾ Отецъ фельдмаршала Іосифа Владиміровича Гурко.

руку въ Даргинской экспедиціи, страдавшій постоянно отъ ранъ, всегда восторженно говорившій о подвигахъ самоотверженія и неустрашимости, очень храбрый человѣкъ и прежде дѣлавшій кампанію Персидскую, очень любившій и ласкавшій молодежь, но безъ авторитета военнаго и безъ военныхъ теоретическихъ знаній. Постоянно съ заоблачными соображеніями Альбрантъ мѣшалъ и свои недочеты въ наградахъ, считая, что за Дарго ему слѣдовало бы и Владиміра 3 ст. и чинъ генерала; Подполковникъ Генеральнаго Штаба Вранкенъ, который въ просторѣчи назывался Вралкинымъ, былъ храбрый офицеръ, рѣчистъ, мастеръ на острое слово, куда какъ гораздъ на критику, считалъ себя нелюбимымъ новымъ дворомъ, какъ онъ называлъ штабъ и окружающихъ Воронцова. Высокій ростомъ и съ приемами бурша, Вранкенъ былъ кривъ лицомъ: пуля разбила ему нижнюю челюсть. Онъ рассказывалъ, что въ 1844 г. непріятель ворвался въ Дагестанъ, въ аулъ Дженгутай. Вранкенъ схватилъ въ Шурѣ два батальона и два горныхъ орудія и съ поручикомъ Лагодою бросился ему навстрѣчу. Подъ Кака-Шурою онъ наткнулся на огромное скопище горцевъ; пришлось плохо совсѣмъ, но оба они были молодцы. Въ снятой ржи она отбивались, какъ отъ саранчи, насѣдавшей на нихъ, помощи было ждать неоткуда. Пуля попала ему въ открытый ротъ, когда онъ отдавалъ приказаніе Лагодѣ перевезти орудія на другое мѣсто. Его положили подъ деревомъ; очень страдая, онъ долго просилъ казака своего дать ему подъ голову подушку съ сѣдла; казакъ отвѣчалъ, что нельзя, придется можетъ быть уходить, не успѣешь подвязать. Раненый Вранкенъ и не думалъ, что можно уйти изъ этой передѣлки, и улыбнулся наивной надеждѣ казака избѣгнуть этого ада, но больше не настаивалъ. Однако же картечь раненаго тоже Лагоды и подоспѣвшая помощь выручили изъ бѣды занесшихся очертя голову молодцовъ.

Къ этимъ жильцамъ колонія приходилъ ежедневно пѣхотный подполковникъ Колюбакинъ, Николай Петровичъ, раненый неоднократно, послѣдній разъ въ Дарго въ грудь, храбрый офицеръ, съ хорошимъ образованіемъ, говорунъ и спорщикъ первостатейный, добрый, великодушный, но вспыльчивый до чрезмѣрности, шумливый и забіяка. Его звали „немирной“ въ отличіе отъ его брата, бывшаго губернаторомъ въ Кутаисѣ, котораго звали „мирнымъ“. Въ этомъ же этажѣ, но особо, жилъ полковникъ Генеральнаго Штаба Бибииковъ (Дмитрій), когда-то бывший Царскосельскимъ кирасиромъ, получившій и образованіе и воспитаніе, но больной, не любившій шума и по своимъ привыч-

камъ, скорѣе городскимъ, удалявшійся отъ колоніи, болѣе сближаясь съ гвардейскими офицерами, пріѣзжавшими тогда на Кавказъ ежегодно, что однако же колонія ставила ему въ вину и не долюбляла его.

Всѣ жили вмѣстѣ, у cadaго по одной комнатѣ, столовая общая, по-походному. Какъ могли—кутили, кахетинскаго не жалѣли. Отъ только-что конченной Даргинской экспедиціи оставалось разказовъ, анекдотовъ, критическихъ отзывовъ и брани неисчерпаемый источникъ. Сюда прѣходили и адъютанты Воронцова, не боявшіеся слушать разказы Колюбакина и Вранкена про Дарго. Къ Бибикову ходилъ отдѣльно бывший лейбъ-гусарскій офицеръ Александръ Абаза ¹⁾, теперь Нижегородскій драгунъ, раненый еще въ 1844 г. и проживающій на Кавказѣ, потому что жилось тутъ свободно и весело.

Изъ начальства, Гурко сидѣлъ за бумагами и изводилъ свой штабъ высшими соображеніями, помощникъ его, генералъ Гогель завѣдывалъ строевою частью, гарнизонною службою; онъ считался мастеромъ своего дѣла, а Кавказскія войска всегда имѣли репутацію распущенности по этой части. Норденстамъ, высокій, черныи финляндець, уходилъ въ это время съ Кавказа; мы знали больше полковника Индреніуса, женатаго, очень хорошаго человека, завѣдующаго дѣлами Генеральнаго штаба.

Всѣ эти люди разошлись: Норденстамъ и Индреніусъ играютъ и теперь (въ 1882 г.) значительную роль въ сенатѣ финляндскомъ и наѣзжаютъ изъ Гельсингфорса въ Петербургъ. Ходзко я еще видѣлъ въ 1876 г. въ Тифлясѣ, женатымъ на какой-то молодой бабенкѣ. Вранкена встрѣтилъ въ 1855 г. въ Крыму начальникомъ дивизіи, Бибикова въ 1849 г. въ Венгерскую кампанію и потомъ въ Тулѣ въ 60 годахъ, женатаго на молодой женщинѣ, безъ средствъ, но съ старыми замашками гастронома и плохо уже служащей грудью. Колюбакинъ былъ въ 60 годахъ сенаторомъ въ Москвѣ, куда онъ перенесъ свою размашистую рѣчь, но былъ цѣнимъ, какъ умный и честный человекъ.

Другую колонію, или ея ядро, составляли: Крузенштернъ и Дюкруасся, оба чиновники особыхъ порученій при Воронцовѣ; съ ними жилъ полковникъ гр. Девьеръ, начальникъ наградного отдѣленія штаба. Всѣ трое старые кавказцы, живущіе своимъ хозяйствомъ, съ хорошимъ поваромъ, чистоплотны, немножко чопорны, но дружны съ военными, хотя и не тѣсно, не любя ихъ нѣсколько частаго разгула и неумѣренныхъ рѣчей.

¹⁾ Александръ Аггѣевичъ Абаза—впоследствии государственный контролеръ, министръ финансовъ, предѣдатель д-та государственной экономіи

Отдѣльно совсѣмъ жили кн. Михаилъ Лобановъ и гр. Константинъ Бенкендорфъ ¹⁾. Кн. Лобановъ былъ съ юнкерскаго чина на Кавказѣ. При генералѣ Фрейтагѣ онъ жилъ въ Кумыкской плоскости въ с. Эндрей ²⁾ и, говорятъ, былъ женатъ тамъ по татарскому обычаю, говорилъ очень хорошо по-кумыкски. Онъ былъ очень образованный и хорошо воспитанный человекъ; его записки о Кавказѣ тому служить могутъ свидѣтельствомъ, хотя онѣ написаны по-французски. Онъ постоянно занимался, читалъ, вращался въ семействѣ кн. Воронцова, удалялся шумнаго товарищества и былъ мало имъ любимъ.

Гр. Константинъ Бенкендорфъ, полковникъ, флигель-адъютантъ, дѣлалъ Даргинскую экспедицію, былъ раненъ, а когда его несли на носилкахъ, непріятель ворвался въ обозъ; носильщики его бросили и ему досталось нѣсколько ударовъ шашкою по головѣ и спинѣ; къ счастью его, рядомъ ѣхалъ конногвардейскій офицеръ Шеппингъ, который, хотя самъ раненый, всталъ надъ нимъ и отмахался шашкою, иначе Бенкендорфъ погибъ бы. Этотъ отличный офицеръ и человекъ лечился въ Тифлисѣ отъ ранъ въ колѣнѣ, сторонясь отъ шума кутящей молодежи. Его я потомъ встрѣчалъ часто и послѣднее время, когда онъ былъ посланникомъ въ Стутгартъ.

Изъ адъютантовъ—кн. Александръ Дундуковъ ³⁾ и кн. Сергѣй Васильчиковъ—жили вмѣстѣ, у нихъ собирался народъ безпрестанно и пиръ былъ постоянный. Внизу, въ томъ же домѣ съ ними жилъ кн. Сергѣй Кочубей съ французенкой. Дундуковъ былъ запѣвалой всему. Окончивъ кандидатомъ Петербургскій университетъ во время попечительства своего отца, онъ вступилъ юнкеромъ въ Гатчинскій Кирасирскій полкъ и скоро перешелъ на Кавказъ къ генералу Нейгардту, потомъ остался по наслѣдству Воронцову. Отличный и умный малый, онъ былъ на всѣ руки, дѣятельности ненасытной, хотя здоровья деликатнаго, и всегда готовый на долгую, шумную пирушку и на службу самую трудную. Сергѣй Васильчиковъ былъ необыкновенно тихій и скромный человекъ; онъ, какъ тѣнь Дундукова, тоже кутялъ, пировалъ, шумѣлъ. Хорошій офицеръ, честный, всѣми любимый.

¹⁾ Графъ К. К. Бенкендорфъ, сынъ извѣстнаго съ 1812 г. кавалерійскаго генерала Константина Христофоровича Бенкендорфа, оставилъ интересныя воспоминанія, напечатанныя на страницахъ этого журнала.

²⁾ Адавъ Эндэри или Андреево, какъ его больше называли на Кавказѣ.

³⁾ Князь Александръ Михайловичъ Дундуковъ-Корсаковъ—впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, кievскій генералъ-губернаторъ. Императорскій комиссаръ въ Болгаріи, главноначальствующій на Кавказѣ.

Къ нимъ чаще другихъ пристраивался полковникъ Минквицъ, бывшій адъютантъ Канкринъ; умный и забавный чрезвычайно, хорошо воспитанный и немолодой уже, но страстный охотникъ до пировъ и дамскаго общества.

Кромѣ нихъ были Моллеръ Эдуардъ, Шаховской Алексѣй¹⁾, Фрицъ Гейденъ²⁾, Ростиславъ Давыдовъ, Адиль Гирей.

Засимъ Сафоновъ, оффиціально управляющій канцеляріей князя, и Михайлъ Павловичъ Щербининъ, дѣлецъ на всѣ руки и начальникъ походной канцеляріи, бойкій и умный человекъ, любилъ покутить серьезно. Наконецъ личный секретарь князя, баронъ Николай³⁾, очень образованный, совершенно благовоспитанный молодой человекъ, никогда не прочь отъ товарищей и никогда не дѣлаясь помѣхой на пиру, однако, какъ-то всегда не выходилъ изъ границъ благопристойности.

Было еще нѣсколько грузинъ и привезенныхъ княземъ изъ Одессы: кн. Александръ Гагаринъ, Минкельдей, маркизъ Паулучи, еще кто-то.

Въ эпоху моего пріѣзда помню много разсказовъ о прошлогодней Даргинской экспедиціи; она была еще свѣжа въ памяти. Порицаній было много, соображеній еще больше, ясно было одно что ген. Фрейтагъ быстрымъ своимъ движеніемъ изъ Герзель-аула выручилъ войска кн. Воронцова, давъ имъ возможность выбраться изъ трущобы.

Разсказывали, что когда кн. Воронцовъ былъ вызванъ въ Петербургъ для принятія командованія на Кавказѣ, Николай Павловичъ, по обыкновенію своему распоряжаться военными дѣйствіями изъ Петербурга, прочеркнулъ по картѣ прямую черту въ Дарго, слѣдуя принятой системѣ устрашать непріятели и убѣдить его, что для русскихъ войскъ нѣтъ недоступныхъ мѣстъ въ горахъ Кавказа.

Даргинская экспедиція 1845 г. еще разъ доказала, что русское оружіе можно внести куда угодно на Кавказѣ, когда оно въ рукахъ такихъ войскъ, какъ Кавказскіе полки, но что непріятель похожъ на волну, которая васъ окружаетъ, сливается за вами и смыкаетъ вашъ слѣдъ. Войска, дѣйствительно, прошли по проведенной государемъ чертѣ, потеряли много, непріятель

¹⁾ Князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской, въ турецкую войну 1877—78 г. командовалъ 11 корпусомъ.

²⁾ Гр. Федоръ Логгиновичъ Гейденъ—впослѣдствіи начальникъ главнаго штаба, финляндскій генералъ-губернаторъ.

³⁾ Баронъ Александръ Павловичъ Николай, впослѣдствіи статсъ-секретарь-попечатель Кіевскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія.

вездѣ уступалъ; мы вышли изъ тущобы, а тущоба все-таки осталась та же самая, хоть вновь идти разницы не будетъ никакой.

Даргинская экспедиція была сдѣлана по страшнымъ тущобамъ; никогда мы не проникали еще въ такую глубину горъ и потери были весьма значительны: горцы облѣпляли насъ со всѣхъ сторонъ, какъ пчелы, ранили и убивали нашихъ ото-всюду: съ деревьевъ, чуть не изъ-подъ земли ¹⁾. Такіе батальоны, которые прошли огонь и воду, насилу прошли черезъ Даргинскія дебри. Нѣсколько разъ положеніе кн. Воронцова было очень затруднительно; сомнѣніе въ томъ, выберутся ли войска изъ западни, въ которую попали, не разъ должно было смущать его духъ, хотя никто не видалъ на лицѣ его ни малѣйшаго признака смущенія даже и тогда, когда главнокомандующій со своей свитой долженъ былъ остановиться, и старикъ вынулъ свою шпагу для личной защиты.

Наконецъ Дарго было взято. Сухарная экспедиція принесла очень мало провіанта, прибавила огромное число раненыхъ; унесла большое число офицеровъ; три генерала было въ ней убито. Она же унесла Пассека, легендарнаго героя Кавказа. Нужно было подумать, какъ однако же выйти; было послано три охотника къ Фрейтагу съ приказаніемъ выйти навстрѣчу съ линіи. Одинъ юнкеръ, почти еще мальчикъ, дошелъ черезъ горы къ Фрейтагу и рассказалъ ему положеніе отряда, Фрейтагъ, какъ всегда, не задумываясь, во что-бы ни стало пошелъ на выручку ²⁾. Говорятъ, что онъ чуялъ бѣду съ войсками Воронцова и приготовился заранѣе. Когда первые его пушечные выстрѣлы возвѣстили издалека, что онъ подошелъ, войска кн. Воронцова перекрестились, радость была невообразимая. Еще одинъ бой для соединенія съ нзмъ, и горцы, воображавшіе, конечно, что они отряда Воронцова не выпустятъ изъ лѣсовъ, прекратили свое преслѣдованіе.

¹⁾ Экспедиція эта имѣетъ свою большую литературу и наиболѣе цѣнныя личныя воспоминанія *графа Бенкендорфа*, князя *Дундукова-Корсакова*, барона *А. П. Николаи*, адъютанта Воронцова—*Нечаева*, барона *Дельвига* и *В. А. Геймана*.

²⁾ Всѣ опытные генералы Кавказа докладывали Воронцову о бесплодности и даже вредѣ экспедиціи и, болѣе всѣхъ, доблестные князь Аргутинскій и Фрейтагъ. Только распорядительность, всегдашняя боевая готовность и любовь къ нечу подчиненныхъ п. особенно, войскъ, помогли Фрейтагу съ поразительной быстротой собрать отрядъ достаточной силы, снабдить его провіантомъ, боевыми зарядами и патронами и выступить, а затѣмъ искусно организованнымъ и искусно веденнымъ маршемъ быстро приблизиться къ отряду Воронцова.

Б. Колобакинъ.

Нерѣдко я слышалъ упреки кн. Воронцову, что онъ потомъ не взлюбилъ Роберта Карловича Фрейтага, что онъ не могъ забыть ему своего освобожденія. Конечно, Фрейтагъ послѣ Даргинской экспедиціи игралъ роль, бросающуюся въ глаза: положеніе Даргинскаго отряда дошло до Петербурга, рассказамъ не было конца, критикѣ также, на это мастера были Кавказскіе офицеры. Конечно, многое было непріятно старiku Воронцову. Говорили: если бы не Фрейтагъ, никто не вышелъ бы изъ Дарго. Но для такого опытнаго въ бояхъ и превратностяхъ войны человѣка, какъ кн. Воронцовъ, выручка его отряда могла имѣть смыслъ простаго эпизода кампаніи и случайной раздачи ролей, больше ничего. Его прошедшее — лучшая защита противъ упрековъ, созданныхъ мелочно понимаемымъ самолюбіемъ. Князь Воронцовъ въ 1814 году сражался подъ Краснымъ съ Наполеономъ и силы непріятеля превосходили его корпусъ; я слышалъ тоже, что и тогда войска Сакена вѣремя выручили его. Но несомнѣнно, что кн. Воронцовъ сражался блистательно и въ память того носилъ Георгія 2 ст., котораго не имѣли многіе гораздо старше его. Затѣмъ онъ посвятилъ себя созиданію новаго края, и все, что можетъ сдѣлать созидатель, онъ дѣлалъ изъ личной любви къ гражданскому развитію страны. Воздвигая города, развивая торговлю, пути сообщенія, возводя крымскіе дворцы, виноградники, онъ создалъ изъ Одессы третью столицу, которая во многомъ была для жизни пріятнѣе первыхъ двухъ. Между этими занятіями ему посчастливилось еще овладѣть Варной, когда кн. Меншиковъ былъ раненъ. Затѣмъ государь Николай Павловичъ вызвалъ его въ ту минуту, когда имя Воронцова сдѣлалось неразрывно связаннымъ съ Новороссійскимъ краемъ, и поручилъ ему Кавказъ ¹⁾. Воронцовъ былъ военначальникъ въ душѣ и организаторъ. Николай Павловичъ по военному ремеслу довѣрялъ только фельдмаршалу Паскевичу и слушался его опытности, его военного счастья; къ Воронцову же не имѣлъ никакихъ симпатій. Возражать Николаю Павловичу, который считалъ себя настоящимъ руководителемъ Кавказской войны, для Воронцова, который видѣлъ Кавказъ однажды при кн. Циціановѣ въ 1805 г., т.-е. 40 лѣтъ назадъ, было нельзя. Предстояло покорить цѣлый край и устроить его. Воронцову

¹⁾ Воронцовъ не былъ вызываемъ въ Петербургъ, а получилъ предложеніе въ Алупкѣ, откуда прямо выѣхалъ на Кавказъ, при чемъ условіемъ назначенія Воронцову поставленъ походъ въ Дарго, въ столицу Шамиля.

В. Колубакинъ.

было за 60 лѣтъ, но какъ бы ни было коротко будущее, оно было заманчиво величіемъ задачи. Воронцовъ все принялъ на себя и, не успѣвъ еще оглядѣться, долженъ былъ исполнить волю государя, и исполнилъ ее буквально, прошелъ по начерченной прямой линіи въ Дарго.

На Кавказѣ весь механизмъ войны въ рукахъ частныхъ начальниковъ; разъ, когда вошли въ линію, прочерченную карандашемъ по Петербургской картѣ, Гурко, Лидерсъ, Лабинцевъ, Клюге-фонъ-Клугенау, Пассекъ сдѣлались исполнителями частностей, каждый по своему разумѣнію. Тропинки черезъ трупы лѣсныхъ и горныхъ, обозъ и орудія на высокихъ горахъ, масса раненыхъ, невозможность имѣть весь провіантъ съ собою, все это представилось также неизбежно и кн. Воронцову, несмотря на европейскія войны, въ которыхъ онъ составилъ себѣ репутацію отличнаго военначальника. Этихъ условій на Кавказѣ устранить было нельзя. Одно только уменьшало затрудненія—это быстрота прохода. Такъ и дѣлали обыкновенно; за то проходили, но слѣда не оставляли. Правда, Даргинскій походъ затянулся. Конечно, Воронцовъ хотѣлъ какъ можно скорѣе пройти черезъ это испытаніе, но трупы оказались непроходимыми; раненыхъ, сверхъ ожиданія, было множество, движеніе медленно, непріятель настойчивѣе обыкновеннаго, провіанту стало недоставать; послали цѣлый отрядъ назадъ за провіантомъ (сухарная экспедиція), онъ долженъ былъ пройти еще два раза только-что пройденный путь, и встрѣтилъ по тому же пути то же самое, какъ будто наши войска никогда его и не проходили. Этотъ отрядъ доставилъ провіанта мало и больше половины людей своихъ потерялъ. Затѣмъ вызванъ былъ отрядъ Фрейтага навстрѣчу; это самое обыкновенное стратегическое соображеніе взаимнаго содѣйствія, но когда Даргинскій отрядъ соединился съ Фрейтагомъ, то онъ имѣлъ видъ конвоя, сопровождающаго раненыхъ; въ такомъ растерзанномъ положеніи были боевые батальоны. Отрядъ же Фрейтага былъ свѣжій, бодрый; онъ яналъ только одно: „идемъ на выручку къ главнокомандующему“, такая слава за нимъ и осталась на Кавказѣ, и справедливо. Фрейтагъ выручилъ Воронцова. Но какъ же онъ бы его и не выручилъ? Судьбы войны загадочны и раздача ими ролей, кромѣ впечатлѣнія на массы, требуетъ еще справедливой провѣрки ихъ исторіей. Отрядъ Воронцова сдѣлалъ экспедицію такую трудную, которая должна остаться его славою, и слава, заслуженная Воронцовымъ, не должна тускнѣть отъ измышленийъ мелкихъ судей и критиковъ, которымъ Воронцовъ уже успѣлъ не понравиться за новые порядки въ

управленіи Кавказскомъ ¹⁾). Дѣло было сдѣлано, какъ хотѣлъ Николай Павловичъ, и здѣсь, можетъ быть, завоевано начало того будущаго, которое привело къ покоренію Кавказа, но только не устрашеніемъ непріятели. Неприсятель возстановилъ по-прежнему свои раззоренные аулы и по-прежнему продолжалъ драться съ нами, какъ будто Даргинской экспедиція никогда и не бывало. Шамиль властвовалъ еще сильнѣе, доказавъ именно этой экспедиціей, что русскіе сдѣлать съ нимъ ничего серьезнаго не могутъ. Но Воронцовъ съ своей стороны получилъ право говорить о томъ, что по его мнѣнію нужно дѣлать на Кавказѣ, и право дѣйствовать только по своему разумѣнію. Прямые черты черезъ горы по Петербургской картѣ прекратились; это былъ первый и крѣпкій шагъ къ перемѣнѣ всей системы войны.

На первый разъ я прожилъ въ Тифлисѣ недолго; встрѣтилъ Пасху въ Сіонскомъ соборѣ при полномъ сборѣ властей; разгавливался въ колоніи Генеральнаго Штаба довольно по-походному. Познакомился съ домою кн. Чавчавадзе, съ его милою и умною дочерью Ниною Александровною Грибоѣдовой, участвовалъ на пиру, данномъ молодыми людьми въ ботаническомъ саду съ дамами подъ постояннымъ дождемъ, и въ прогулкѣ, послѣ этого пира, которую сильно подгулявшая молодежь производила съ музыкой до самаго утра по всѣмъ грязнымъ улицамъ Тифлиса, заходя по дорогѣ къ товарищамъ, уже спавшимъ и забавляясь шумомъ и гвалтомъ и ихъ внезапнымъ пробужденіемъ. На другой день всѣ, какъ встрепанные, вышли на службу: Дундуковъ, запѣвало на всѣхъ пирушкахъ, уѣхалъ куда-то на границу Персіи, прежде нежели мы проснулись; таковы были нравы и удовольствія ²⁾).

II.

Внезапное извѣстіе, что Шамиль съ большими силами прорвался черезъ линію по направленію къ Ставрополю, вызвало

¹⁾ Воронцовъ несомнѣнно имѣлъ громкое прошлое, но съ водвореніемъ въ Новороссійскомъ краѣ и погружившись въ административную дѣятельность, отсталъ отъ военнаго дѣла, а тутъ и годы другіе, и нельзя все же не винить Воронцова въ экспедиціи 1845 года, послѣ которой непомерно усилилась власть Шамиля. Воронцовъ велъ эту экспедицію, не вѣря въ ея успѣхъ, что и писалъ графу Чернышеву, докладывая, что сдѣлаетъ все, чтобы исполнить волю Государя, хотя въ успѣхъ экспедиціи не вѣритъ.

В. Колобакинъ.

²⁾ Дополненіемъ къ этому свидѣтельству Исакова служатъ личныя воспоминанія самаго Дундукова-Корсакова въ „Старинѣ и Новинѣ“, томы 5-й и 6-й въ которыхъ онъ упоминаетъ и о Исаковѣ.

всѣхъ изъ Тифлиса ¹⁾. Это движеніе непріятели въ наши предѣлы указывало, что впечатлѣніе Даргинской экспедиціи на непріятели уже прошло. Кн. Воронцовъ выѣхалъ тотчасъ же во Владикавказъ. Офицеры Генеральнаго Штаба получили приказаніе ѣхать туда же и я въ томъ числѣ, но дѣло разыгралось до нашего пріѣзда. Войска 5 корпуса возвращались въ Россію; ихъ направили съ пути прямо на непріятели, и, если не ошибаюсь, полковнику Левковичу съ Минскимъ, кажется, полкомъ удалось загородить ему дорогу, что не помѣшало однако ему уйти въ горы обратно безъ большихъ потерь, кое-что сжегши и разграбивши на своемъ пути по линіи. Кн. Воронцовъ воспользовался раннею весною и занялся объѣздомъ лѣваго фланга и Кабарды.

Было начало апрѣля; снѣгъ въ горахъ таялъ, и обвалы были безпрестанные; нужно было нѣсколько станцій переѣзжать верхомъ и на вьюкахъ, совѣтовали лучше ночью, когда на вершинахъ горъ подмораживаетъ. На дорогѣ догнали меня полковникъ Минквицъ и гр. Бенкендорфъ. Минквицъ увѣрилъ полковника Ната, тоже къ нимъ пристроившагося и надоѣдавшаго имъ своими разговорами, что снѣгъ, готовый уже къ обвалу, такъ чувствителенъ къ малѣйшему сотрясенію воздуха, что даже разговоръ можетъ вызвать катастрофу. Этимъ они избавились отъ извѣстнаго своей докучливостью Ната, котораго въ Генеральномъ Штабѣ терпѣть не могли.

Попавъ во Владикавказъ, нужно было дожидаться тамъ начала экспедиціи въ Чечню. Тамъ я нашелъ старыхъ товарищей по Варшавѣ: Ген. Шт. Свѣчина и Гескета ²⁾, прикомандированшагося къ Сунженскому казачьему полку; къ намъ присталъ молодой человекъ Беклешовъ, хорошо воспитанный и хорошо образованный. Отецъ его былъ страшный чудакъ, мать жила въ

¹⁾ Извѣстный набѣгъ Шамиля въ Кабарду, парализованный опять-таки энергіею Фрейтага едва не захватившаго всю партію Шамиля, но ошибки его частныхъ начальниковъ выпустили Шамиля, вернувшагося къ себѣ путемъ огромнаго напряженія и значительныхъ потерь, вызванныхъ лишеніями этого безпримѣрнаго набѣга.

²⁾ Давидъ Гескетъ, англичанинъ по происхожденію, одно время воспитывалъ дѣтей принца Ольденбургскаго. Въ дѣлахъ генераль-адъютанта барона Николая, находящихся въ распоряженіи князя Георгія Дмитриевича Шервашидзе, имѣется исполненный карандашомъ и рукой барона Николай портретъ Давида Гескета съ подписью рукой того же барона Николай—„англискій казакъ“. Дальнѣйшая послѣ службы на Кавказѣ судьба Гескета намъ неизвѣстна. Сынъ Гескета Сергѣй, офицеръ Генеральнаго Штаба, недавно умеръ въ Туркестанѣ, въ должности самаркандскаго военнаго губернатора.

Б. Колубакинъ.

же это не мѣшало ему командовать цѣлыми экспедиціями и заслужить себѣ прекрасную репутацію. У него же жилъ гр. Штейнбокъ, изъ гвардіи переведенный въ линейные казаки и потерявшій ногу подъ Дарго; онъ смотрѣлъ старикомъ, страдалъ постоянно отъ раны, былъ умнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, когда могъ не раздражаться.

Бригадный командиръ, ген. Полтининъ¹⁾, жилъ тоже во Владикавказѣ. Старый служивый на Кавказѣ, храбрый, совсѣмъ необразованный, извѣстенъ былъ своими французскими поговорками, довольно нецензурнаго свойства и конечно невозможнаго произношенія; добръ, гостепріименъ, смѣшонъ, скопившій себѣ копѣйку во время командованія тѣмъ же Навагинскимъ полкомъ. Помню еще молодого казачьяго командира барона Розена, казачьяго офицера Чернова.

Жизнь во Владикавказѣ проходила въ ничегонедѣланіи. Возвращаться въ Тифлисъ было незачѣмъ, когда приготавлилась уже экспедиція, и время проводилось кое-какъ утромъ, вечеромъ иногда у Вревскаго, но большею частью у Опочининыхъ. Кавказское гостепріимство отличалось простотой и считалось какъ бы обязанностью, связанной съ командованіемъ частью, особенно въ отношенія къ Штабнымъ лицамъ, проѣзжимъ адъютантамъ и гвардейскимъ офицерамъ. Наконецъ, дамы были всегда рады новымъ лицамъ нѣсколько болѣе свѣтскимъ, нежели ежедневная среда; дѣвушки мечтали пристроиться за командировъ, такъ какъ этимъ гарантировалось и постоянное мѣсто жительства среди русскаго населенія и обезпеченное домашнее хозяйство, очень похожее на прежнее помѣщичье.

Полтининъ тогда намѣревался еще жениться, ухаживалъ за молодыми дѣвушками; Вревскій тоже женился впоследствии на молодой дѣвушкѣ Варпаховской, очень хорошей и красивой женщиной, погибшей въ 1887 г. въ Болгаріи, въ качествѣ сестры Краснаго Креста.

Во Владикавказѣ веселились, когда только могли, этому не мѣшало и то, что, возвращаясь домой вечеромъ по темнымъ улицамъ, часто слышались выстрѣлы; горцы подкрадывались близко; Терекъ прорѣзывалъ городъ, и по руслу его смѣльчаки пере-

¹⁾ Полтининъ, тоже интересный типъ стараго кавказца. Представляясь, при первомъ знакомствѣ, онъ всегда добавлялъ: „два раза раненъ, три раза контуженъ, но не разу ни сконфуженъ“. Рассказываютъ, что эти слова были вышиты на значкѣ, который возили за нимъ въ походѣ, какъ за начальникомъ отряда

В. Колубакинъ.

стрѣливались иногда съ нашими секретарями на берегу Терека, заложенными въ улицахъ города, около дома, гдѣ я жилъ, меня постоянно окликала, но со свѣчкой или фонаремъ не всегда безопасно было. У генерала Чаплица слуга вышелъ на крыльцо со свѣчкой и былъ убитъ выстрѣломъ. Все это не препятствовало танцевальнымъ вечерамъ, ужинамъ и пикникамъ.

Наконецъ кн. Воронцовъ возвратился во Владикавказъ съ новымъ начальникомъ штаба Коцебу ¹⁾. Отрядъ былъ составленъ, и мы двинулись подъ начальствомъ ген. Лабинцова въ Малую Чечню, на р. Фортенгу.

Быль июнь, очень жаркіе дни и ночи. Черезъ Сунжу мы перешли къ р. Фортенгѣ. Кн. Воронцовъ со своимъ штабомъ былъ при отрядѣ. Кавалерія шла впереди по великолѣпнымъ лугамъ, покрытымъ цвѣтами. Линейные казаки охотились за козами. Чеченцы, слѣдившіе за нами, при переправѣ нашей черезъ р. Фортенгу, дали нѣсколько выстрѣловъ. Начальникъ кавалеріи, кн. Александръ Голицынъ, старый кавказецъ, не упустилъ этого случая, и стрѣльба на переправѣ и въ лѣсу за нею стала раздаваться, какъ дробь, иногда прерываемая выстрѣлами изъ орудій, которые по лѣсу разносились, какъ раскаты грома. Я въ первый разъ испыталъ чувство возбужденія, которое доставляетъ близость непріятеля, хотя этотъ первый актъ, какъ я потомъ узналъ, былъ небольшимъ кавказскимъ представленіемъ по случаю присутствія главнокомандующаго при отрядѣ. Съ послѣднимъ былъ сынъ его, Семень Михайловичъ, одѣтый по-черкесски, былъ Истоминоу Владиміръ, извѣстный потомъ защитой Малаховскаго Кургана въ Севастополѣ. Истоминоу былъ типъ черноморскаго моряка, съ рѣзкимъ говоромъ и сужденіями и съ приемами капитана корабля; все это въ Шгабѣ, кажется, очень нравилось, и Истоминоу этимъ пользовался. Тутъ же были Дундуковъ и Николай, неизмѣнный секретарь Воронцова. Вся эта веселая обстановка черезъ нѣсколько дней оставила отрядъ, и мы очутились съ его дѣйствительностью и глазъ на глазъ съ нашимъ прямымъ начальникомъ, Лабинцовымъ.

Иванъ Михайловичъ Лабинцовъ имѣлъ въ то время законченную репутацію, которая не увеличилась и не уменьшилась впоследствии. Когда-то позже, П. Хр. Граббе рассказывалъ мнѣ, что послѣ взятія имъ Ахульго, при представленіи государю, Николай Павловичъ его спросилъ: „Vous m'avez préparé un bon générale

¹⁾ Павелъ Евстафьевичъ Коцебу—впоследствии графъ, генералъ-губернаторъ и командующій войсками въ Одессѣ и Варшавѣ.

en Labintzoff?—, Non, Sir, Labintzoff, n'est qu'un bellier, avec lequel je perce les montagnes" ¹⁾—отвѣчалъ Граббе.

Всѣ наши экспедиціи на Кавказѣ въ горы имѣли характеръ проникновенія въ недоступныя мѣста. Пока войска наши шли къ нимъ, все было благополучно, но такъ какъ, занявъ эти мѣста, оставаться тамъ почти никогда не было возможно, то за взятіемъ съ боя или даже безъ боя назначеннаго пункта, слѣдовалъ неизбежно второй актъ—это уходъ къ себѣ домой. Вотъ здѣсь-то и начиналась дѣйствительная трудность: горцы насѣдали съ ожесточеніемъ, спасеніе отряда лежало на аррьергардѣ и на его начальникѣ. Лабинцовъ на этомъ сдѣлалъ всю свою репутацію. Хладнокровный и совершенно неустрашимый, онъ на своихъ плечахъ вынесъ не мало отрядовъ, направленныхъ всею прежнею системою войны, до взятія Дарго включительно, въ горныя непроходимыя тущобы, не исключая отряда и Граббе въ м. Чечнѣ въ 1842 г. Старый кавказецъ безъ всякаго образованія, грубый по формамъ внѣшнимъ, Лабинцовъ былъ одинъ изъ героевъ Кавказа; войска его знали, вполнѣ довѣряли ему и шли съ нимъ куда угодно, но онъ рѣдко былъ распорядителемъ военныхъ дѣйствій ²⁾).

Кн. Воронцовъ начиналъ новую систему покоренія Кавказа, постепеннаго подступа къ горамъ, прочнаго занятія нами всей плоскости, оттѣсненія непріятеля въ горы и предложенія ему поселиться на благодатныхъ земляхъ равнины, съ условіемъ жить мирно съ нами. Постройка укрѣпленія еще верстъ на 20 впереди тогдашней передовой линіи по рѣкѣ Супжѣ, на р. Фортенгѣ, входила также въ эту программу и была цѣлью нашей экспедиціи. Никого лучше Лабинцова не нужно было на то, чтобы построить Ачхоевское укрѣпленіе съ наименьшими потерями въ людяхъ и деньгахъ. Лабинцовъ боя не искалъ, не вызывалъ на него непріятеля и принялся за работы. Но не такъ смотрѣлъ на дѣло Штабъ отряда. Начальникъ Штаба былъ полковникъ Левъ Львовичъ Альбрандтъ, цылкій человекъ по характеру, храбрый, любившій войну для сильныхъ ощущеній: онъ наслаждался своимъ

¹⁾ Вы мнѣ хорошаго генерала приготовили въ Лабинцовѣ? Нѣтъ, Государь, Лабинцовъ только молотъ, которымъ я пробиваю горы.

²⁾ Герой многихъ славныхъ дѣлъ, памятный командиръ Кабардинскаго полка, Иванъ Михайловичъ Лабинцовъ былъ замѣчательный человекъ даже для Кавказа, особый мастеръ руководить отступленіемъ аррьергарда, былъ наравнѣ съ Фрейтагомъ, Ковловскимъ, Пассекомъ, особенно любимъ войсками, которыя вѣрили ему безгранично и беззавѣтно шли за нимъ куда угодно, приговаривая „старый чортъ знаетъ свое дѣло“. Иванъ Михайловичъ любилъ поворачать, когда было не по его приемамъ, и Воронцову доставалось немало въ 1845 году.

Б. Колобакинъ.

положеніемъ, въ первый разъ распоряжаясь, диктуя часто двумъ вмѣстѣ, отдавая приказаніе еще двумъ, разговаривая съ пятымъ,— все вмѣстѣ, вызывая лазутчиковъ, платя имъ даже свои деньги, такъ какъ Лабинцовъ на это не давалъ ничего, ибо не хотѣлъ заниматься непріателемъ. Альбрандтъ не удовлетворялся простымъ обиходомъ постройки укрѣпленія и очень желалъ столкновенія съ непріателемъ. Оберъ-квартирмейстеромъ былъ Иванъ Осиповичъ Ходзко, засидѣвшійся въ полковничьемъ чинѣ на геодезическихъ работахъ. Затѣмъ Генеральный Штабъ былъ въ большомъ числѣ: всѣ, кто могъ, выпросились изъ Тифлиса: полковникъ Румфортъ, подполковникъ Броневскій, капитанъ Мацневъ, Свѣчинъ и я.

Работа кипѣла, укрѣпленіе возводилось, войска себѣ построили шалаши, ходили на рубку лѣса, на фуражировку, очищали на пушечный выстрѣлъ окружную мѣстность. Съ рабочими назначались и офицеры Генеральнаго Штаба, которымъ дѣлать было нечего. Вообще они скучали, и Альбрандтъ утѣшалъ ихъ разсказами лазутчиковъ, что непріатель уже собирается и дѣла съ нимъ будутъ непремѣнно. Но горцы ограничивались тѣмъ, что по ночамъ подвозили свои орудія и стрѣляли издалека по лагерю, нападали иногда на фуражировъ, появлялись сотни двѣ-три конныхъ смѣльчаковъ въ долину и начиналась перестрѣлка съ линейными казаками. Казаки ругались съ горцами, обвиняясь съ ними выстрѣлами. Иногда во время перестрѣлки испуганная дикая коза неслась между двумя сторонами, и казаки и горцы съ гикомъ пускались за нею, затѣмъ разъѣзжались каждый въ свою сторону и выстрѣлы и ругательства возобновлялись. Это были больше военныя потѣхи; трава была по брюхо лошади, цвѣтовъ гибель, запахъ великолѣпный и чувство тревоги давало пріятную полировку крови. Совсѣмъ другое дѣло была непріательская стрѣльба изъ орудій по лагерю, въ особенности ночью; ядра со свистомъ падали между палатками, попадали въ коновязи, лошади срывались, сваливали палатки. Ночная тревога и стрѣльба въ секретахъ всегда создавали суматоху, пока не образумятся со сна и не выяснится, въ чемъ дѣло. Альбрандтъ жаждалъ подкараулить орудія непріателя и захватить ихъ, если уже нельзя вызвать его самого на бой.

Однажды я назначенъ былъ съ отрядомъ изъ пѣхоты и казаковъ съ орудіями принять оказію, идущую изъ-за Сунжи съ провіантомъ и строительными матеріалами. Съ разсвѣтомъ выступили и верстахъ въ 10 отъ лагеря, на маленькой рѣкѣ Ассѣ, остановились подождать появленія транспорта. Поставили орудія на островку горной рѣчки, бѣгущей въ кустахъ, послали

впередъ казаковъ и расположились завтракать. Отрядомъ командовалъ подполковникъ Ушаковъ. Наша первая встрѣча была съ нимъ въ 1841 г. на экзаменѣ при вступленіи въ Академію. Онъ былъ Преображенскимъ офицеромъ, относился довольно слегка къ экзамену; онъ увѣрялъ впрочемъ, что ему испортила все дѣло географія, которую онъ, конечно, зналъ насколько прилично всякому порядочному человѣку, и какъ оказалось, дѣйствительно показывалъ на картѣ теченіе Волги всѣми пятью пальцами. Ушаковъ перешелъ на Кавказъ, былъ уже въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, хорошій офицеръ, беззаботный, забавный, подчасъ острый балагуръ. За завтракомъ его товарищъ рассказывалъ анекдотъ о томъ: какъ разъ ночью непріятель сталъ стрѣлять по лагерю, въ то время, какъ Ушаковъ игралъ въ карты съ нѣсколькими молодыми офицерами въ землянкѣ. Одно ядро, задѣвъ за крышу землянки, обсыпало землю играющихъ, и невольно молодые люди пригнулись подъ столъ. Ушаковъ, не теряя хладнокровія, воспользовался этимъ движеніемъ и стеръ свои ремизы. Офицеры, очнувшись, съ удивленіемъ замѣтили, что цѣлый столбецъ цифръ исчезъ. Ушаковъ, отвергая такое исчезновеніе, настойчиво допрашивалъ молодежь, гдѣ же они были въ это время, и смущалъ ихъ за безотчетное движеніе испуга. Конечно, все это была только шутка, но Ушаковъ увѣрялъ, что молодежь слѣдуетъ учить не кланяться ядрамъ.

Пока мы разговаривали, на лѣвомъ нашемъ флангѣ, отъ горъ, показалась кавалерія. Высокій холмъ на открытой долинѣ зарѣкою внезапно скрылся ею. Въ серединѣ развивался большой бѣлый значекъ. Недоумѣніе наше было велико; горцевъ отъ линейныхъ казаковъ отличить нельзя на нѣкоторомъ разстояніи; полагая, что это горцы, такъ какъ въ той сторонѣ не могло быть нашихъ, орудія приказали зарядить картечью. Ожидаемый транспортъ еще не показывался, кавалерія не двигалась съ холма. Недоумѣвая, съ другой стороны, не командиръ ли это Сунженскаго полка, Слѣпцовъ, съ казаками на охотѣ, нашъ небольшой отрядъ однако же приготовился встрѣтить непріятеля и ожидалъ только его движенія. Донскіе казаки, конвоировавшіе транспортъ, наконецъ показались, и кавалерія со значкомъ, спустившись быстро съ холма по направленію транспорта, дала намъ нѣсколько минутъ большой тревоги, но выстрѣлъ картечью не былъ однако сдѣланъ. Передовые люди этой кавалеріи, во всю прыть доскакавъ до Донскихъ казаковъ, поѣхали шагомъ рядомъ съ ними въ нашу сторону. Черезъ нѣсколько минутъ вся толпа подѣхала къ намъ со Слѣпцовымъ во главѣ. Вся эта

группа съ бѣлымъ шелковымъ знаменемъ, лихая, со своимъ лихимъ полковымъ командиромъ, грозю черкесовъ по своимъ наѣздамъ, была великолѣпна. Я не могъ налюбоваться, видя линейныхъ казаковъ въ первый разъ вблизи, въ полѣ, въ массѣ, ихъ удалю во всемъ, въ лицѣ, въ посадкѣ, въ одеждѣ. Ушаковъ разсказалъ Слѣпцову наши недоумѣнія и нашу рѣшимость. Слѣпцовъ подарилъ ему козу за то, какъ онъ сказалъ, „что ни его не разстрѣляли, ни на войска сраму не наложили“. „А во всемъ“, прибавилъ онъ, „хладнокровная выдержка первое дѣло“.

Въ отрядѣ жилось однообразно. Изъ Штаба кн. Воронцова остались въ немъ: гр. Фрицъ Гейденъ, Минквицъ и Глѣбовъ. Общее настроеніе въ это время выражалъ Глѣбовъ довольно вѣрно: зимою, если можно—въ Петербургѣ, если нельзя—въ Тифлисѣ—повеселиться; лѣтомъ на заработки, т.-е. въ экспедицію, гдѣ непременно нужно получить или чинъ, или крестъ. У насъ разъ какъ-то сдѣлали ночное движеніе въ одинъ изъ ауловъ, гдѣ, какъ увѣряли Альбрандта лазутчики, находится сборище горцевъ и ихъ орудія; всѣ были въ возбужденномъ состояніи. Темною ночью съ кавалеріей двигались тихо, неслышно переправились черезъ какую-то рѣку, на разсвѣтѣ достигли аула, въ немъ не было ни души, возвратились безъ выстрѣла и заработковъ на этотъ разъ не оказалось никакихъ.

Въ отрядѣ начальникомъ кавалеріи былъ кн. Владиміръ Голицынъ, толстый, грузный, острякъ, въ особенности по-французски. Когда-то, будучи флигель-адъютантомъ Александра Павловича, за какую-то дерзкую шалость въ самомъ дворцѣ, онъ былъ посланъ на Кавказъ. Теперь онъ былъ начальникомъ Кабарды, имѣлъ отличнаго повара, жилъ въ калмыцкой кибиткѣ съ разными походными удобствами, которыя очень любилъ, и которыя для насъ были недоступны. Страстный охотникъ играть въ карты; про него разсказывали, что разъ послѣ обѣда, когда онъ отдыхалъ, партія горцевъ показалась передъ лагеремъ; натурально сейчасъ тревога и казаки линейные выскакали впередъ на перестрѣлку. Адъютантъ Голицына, всегдашній его партнеръ въ походѣ, вошелъ разбудить начальника кавалеріи: „Ваше Сіятельство, партія“. Кн. Голицынъ, со сна, взглянувъ на него, спросилъ: „А кто же третій. Отыщите прежде третьяго“. Вообще это огромное туловище представляло очень оригинальнаго начальника кавалеріи.

Однако же, пока возводились на Фортенгѣ Ачхоевскія укрѣпленія, пріѣхалъ въ Тифлисъ новый генераль-квартирмейстеръ Вольфъ, и заставъ штабъ пустымъ, послалъ вызвать изъ отряда

младшихъ: меня и Свѣчина. Гореваніе наше было не сильно, потому что надеждъ на дѣло было немного. Ясно было, что Лабинцовъ, какъ онъ неоднократно и высказывалъ, сдѣлаетъ все, чтобы съ непріателемъ не встрѣтиться, а тѣшить свой штабъ онъ былъ не намѣренъ, даже сердился на Альбрандта за его вызовъ лазутчиковъ; не признавалъ никакихъ ученыхъ достоинствъ за астрономомъ, какъ онъ называлъ Ходзко, и не нуждался въ офицерахъ Генеральскаго Штаба, жилъ въ палаткѣ и никого не принималъ къ себѣ.

III.

Раннимъ утромъ „молодые друзья“, какъ насъ отечески называлъ Альбрандтъ, выѣхали мы со Свѣчинымъ изъ отряда, товарищи насъ провожали до какого-то кургана, гдѣ выпили шампанскаго, и засимъ рысью погнали къ Сунженской станицѣ: съ нами ѣхалъ Глѣбовъ, отпросившійся во Владикавказъ погулять. Въ Сунженской станицѣ мы нашли стараго Варшавскаго товарища Гескета; онъ участвовалъ гдѣ-то въ лихой схваткѣ Сунженскихъ казаковъ, былъ раненъ и лечился. Обѣдали у Слѣпцова, который насъ кормилъ какою-то отличною рыбой изъ Сунжи. Хозяинъ, небольшого роста брюнетъ, худой, быстрый въ движеніяхъ, добрый, но вспыльчивый, имѣлъ уже прекрасную репутацію передового начальника и новую линію, новыя станицы успѣлъ поднять уже до внушенія серьезнаго страха горцамъ. Впослѣдствіи онъ былъ славенъ и погибъ рано въ одной изъ непрестанныхъ своихъ экспедицій. Это былъ типъ передового начальника, готоваго всегда, во всякое время дня и ночи сѣсть на коня и нестись на непріателя со своимъ значкомъ; казакамъ оставалось только по тревогѣ догонять его.

Къ сумеркамъ того же дня мы вѣзжали въ улицы Владикавказа и, встрѣтивъ Опочининыхъ, остались у нихъ провести вечеръ.

Въ Тифлисъ я пріѣхалъ съ необыкновенною головною болью, которая длилась долго и не позволяла никакого рѣзкаго движенія. Помѣстился я на одной изъ большихъ улицъ и черезъ нѣсколько дней принялъ у себя пріѣхавшаго на Кавказъ Андрея Николаевича Муравьева ¹⁾.

Съ нимъ вмѣстѣ разъ, сидя на балконѣ, мы замѣтили по ту сторону Куры на Авлабартѣ странное движеніе и войска; въ подозрную трубу выяснилось, что дѣло состояло въ исполненіи смертнаго приговора. Я вспомнилъ о недавнемъ происшествіи:

¹⁾ Известный писатель по церковнымъ вопросамъ.

офицеръ Правиковъ убилъ своего полкового командира за личное оскорбленіе. Въ подзорную трубу мы слѣдили за всѣми ужасными минутами приготовленія къ разстрѣлянью, и когда надѣли на осужденнаго бѣлый колпакъ, Муравьевъ отдалъ мнѣ трубу и сталъ читать отходную молитву. Я видѣлъ однако же, какъ въ минуту ожидаемаго выстрѣла бѣлую фигуру отвели отъ столба: казнь была замѣнена другимъ наказаніемъ. Вспоминаю, какой тяжелый камень свалился съ сердца.

Затѣмъ мы перемѣстились съ Муравьевымъ въ домъ Прибыля на площади, противъ дома главнокомандующаго, тутъ же жилъ и Вольфъ. Муравьевъ занялся описаніемъ Грузіи въ церковномъ отношеніи и потомъ напечаталъ очень замѣчательную книгу. Встрѣтивъ здѣсь прежняго своего знакомаго Лелли, родомъ грека, теперь начальника дипломатической канцеляріи, Муравьевъ сталъ учиться у него греческому языку, постоянно жаловался на его дурной обѣдъ, говоря, что лекарства стоятъ ему дороже уроковъ, если бы послѣдніе были не безвозмездны, и все-таки продолжалъ ходить обѣдать и послѣ обѣда брать уроки у Лелли. При его поѣздкахъ по окрестностямъ я съ любопытствомъ ему сопутствовалъ и имѣлъ случай нѣсколько ознакомиться съ грузинскими церковными древностями. Монастырь Іоанна...

особенно былъ замѣчателенъ. Переправившись черезъ Куру въ бродъ, мы долго пробирались по горной тропѣ, потомъ по руслу горнаго ручья, внизу подъ ногами въ это время разразилась гроза и картина была великолѣпна. Добравшись съ большимъ трудомъ до какихъ-то развалинъ, проводникъ нашъ пошелъ сначала посмотреть, нѣтъ ли медвѣдей въ нихъ, такъ какъ это было ихъ обыкновенное логовище. Со свѣчами мы вошли въ очень маленькую церковь; древній алтарь изъ камня еще сохранился, можно было разобрать на немъ высѣченное рельефомъ грубое изображеніе Симеона Столпника.

Въ эту экскурсію я видѣлъ и другіе монастыри съ прекрасными высѣченными въ камнѣ узорами около оконъ и дверей и замѣчательную рѣзную работу по дереву.

Меня послали выбрать на Сурамѣ мѣсто штабъ-квартиры для артиллерійской бригады. Великолѣпный Сурамскій перевалъ, вся дорога до Сурама по берегу рѣки съ отвѣсными скалами краснаго цвѣта и ихъ фантастическими очертаніями, которыя въ лунную ночь имѣли видъ рыцарскихъ замковъ, дѣлали эту поѣздку чрезвычайно увлекательной. Черезъ Сурамъ я попалъ въ Имеретію. Изъ Кутаиса проѣхалъ далѣе, осмотрѣлъ нѣсколько старинныхъ полуразрушенныхъ монастырей и церквей, начиная

съ Гелатскаго. Узоры, высѣченные въ камнѣ вокругъ оконъ и дверей, необыкновенно красивы и указываютъ на состояніе искусства, о которомъ теперь и помину нѣтъ въ странѣ. Самая страна, красивый народъ, ихъ деревни, сады, лѣса, одежда, все чрезвычайно живописно, обиліе фруктовъ, вина, гостепріимство, лошади съ стриженной гривой (бача) и необыкновенная иноходь ихъ, прекрасное время начинающейся осени,—все было ново и привлекательно въ этомъ путешествіи. Возвратясь въ Тифлисъ, я сдѣлалъ поѣздку въ Кахетію, въ Сигнахъ и Телавъ. Она совпала со сборомъ винограда и праздникомъ въ Алавердинскомъ монастырѣ. Страна садовъ и винограда. Подъѣзжая къ монастырю уже вечеромъ, открывалось огромное зарево и слышались выстрѣлы. На обширной полянѣ стояли безчисленные таборы съѣхавшихся грузинъ съ ихъ семействами; повсюду были костры: арбы съ буйволами и ослы загромождали огромное пространство около собора; вездѣ пеклось, варилось, ѣлось и пилось въ такихъ размѣрахъ, на какіе способны только разгулявшіеся грузины. Шашлыка съѣдалось неимоверное количество, кахетинскаго вина выпивались цѣлые мѣха, тостовъ произносилось тѣма и за тостами слѣдовали выстрѣлы. Вся картина этой поляны была необыкновенно оригинальна, шумъ и гвалтъ стояли надъ ней, какъ туча, все кричало, хохотало, пѣло и стрѣляло, смѣшиваясь съ несмолкаемою зурною и лезгинкою. Такова была ночь подъ праздникъ. На другой день съ утра полная церковь женщинъ и разряженныхъ въ шелкъ и галуны мужчинъ у обѣдни. Привошенія женщинъ оригинальны: онѣ обвиваютъ нитками самый храмъ снаружи кругомъ, кто насколько можетъ, какъ паутиной.

Служба на грузинскомъ языкѣ и пѣніе для непривычнаго уха тяжелы; давка и жара невообразимыя. Послѣ обѣдни таборъ разъѣзжается, арбы укладываются и начинаютъ свою несмолкаемую скрипню. Мужчины еще догуливаютъ вчерашній день, догоняютъ верхомъ свои семейства. Мое возвращеніе въ Тифлисъ было тоже верхомъ, прямою, короткою дорогой. Во время дня вездѣ можно было остановиться, найти свѣжій чурекъ (грузинскій хлѣбъ) и за мелкую монету сторожу войти въ любой садъ, лечь подъ виноградъ и безъ помощи рукъ ѣсть огромныя, спѣлыя грозди его досыта. Вечеромъ, хотя и очень усталый, я былъ въ Тифлисѣ.

Зима прошла въ Тифлисѣ въ городскихъ удовольствіяхъ съ большимъ мѣстнымъ отгѣнкомъ. Общество Тифлисское уже приняло складку, данную ему кн. Воронцовымъ, или „дворомъ“, какъ называли неохотники до новыхъ порядковъ. Князь съ ран-

няго утра занимался, въ то же время пилъ кофе, а его секретари: Щербанинъ, Николай и адъютантъ Дундуковъ писали на разныхъ столахъ его корреспонденцію. Потомъ, съ 11 часовъ, приемъ всѣхъ на свѣтѣ: отъ высшихъ до послѣдняго оборванца-горца; затѣмъ доклады, прогулка верхомъ и тишина до обѣда, чтеніе англійскихъ и всякихъ журналовъ вслухъ разными лицами, въ томъ числѣ княгиней и сыномъ, потомъ обѣдъ, всегда съ приглашенными, а вечеромъ—партія въ ломберъ. Былъ день въ недѣлю, въ который княгиня принимала утромъ все общество, и одинъ вечеръ въ недѣлю, когда Тифлисское общество танцовало у Воронцовыхъ. Въ Тифлисѣ было нѣсколько домовъ, которые вели свою жизнь по-петербургски. У Коцебу и его жены, рожд. гр. Мантейфель, очень высокой ростомъ, очень хорошей женщины, также иногда танцовали и иногда обѣдали при безукоризненной обстановкѣ. Одинъ изъ адъютантовъ Воронцова, кн. Константинъ Суворовъ, большой чудакъ, большой музыкантъ, одѣтый въ военный мундиръ Николаемъ Павловичемъ, который не признавалъ возможнымъ, чтобы внукъ великаго фельдмаршала былъ статскимъ и жена его, дочь государственнаго контролера Хитрово, воспитанная въ домѣ, гдѣ много всегда принимали, продолжали традиціи Петербургскія и въ Тифлисѣ. Начальникъ канцеляріи главнокомандующаго Сафоновъ, женатый на богатой Маразли ¹⁾, тоже представлялъ домъ, дававшій обѣды и балы. Хозяйка, умная брюнетка съ выразительными глазами, дѣлала и то и другое очень привѣтливо. Тифлискимъ губернаторомъ былъ Сергій Николаевичъ Ермоловъ, одинъ изъ многихъ племянниковъ Алексѣя Петровича, старый генералъ, съ очень умною и энергичною женою, рожд. Герзинскою. Они принимали, дѣлая это такъ же церемонно, какъ и скучно. Грузинки втягивались понемногу въ европейское общество любезностью Воронцовыхъ, и нѣсколько семействъ уже какъ будто къ нему принадлежали, несмотря на грузинскій костюмъ, который нѣкоторыя сохраняли еще на балахъ.

Семейство кн. Чавчавадзе принадлежало къ обществу прежде всего по образованію самого отца генерала; старшая дочь его, Екатерина Александровна, была замужемъ за владѣтельнымъ княземъ Давидомъ Дадіани, онъ былъ генералъ и походилъ на бѣлокураго, неуклюжаго нѣмецкаго принца. Она была очень красивая съ грузинскимъ типомъ женщина, лѣтъ 30, всегда очень

¹⁾ Одесскій Маразли, извѣстный по описанію Пушкинымъ Одессы— „Корсаръ въ отставкѣ Маразли“. Сафоновъ женатъ былъ на сестрѣ этого брата Маразли.

элегантно одѣтая по-европейски. Другая дочь, вдова Грибоѣдова, Нина Александровна, не очень хороша собой, но очень привлекательная по характеру и обращенію. Третья была еще маленькая, впоследствии вышла замужъ за бар. Александра Николаи¹⁾. Это семейство было болѣе посѣщаемо, нежели оно само показывалось въ свѣтъ. У него жили двѣ сестры, княжны Грузинскія, внучки послѣдняго царя, обѣ красивыя, воспитанныя въ институтѣ. Одна вышла за сына, кн. Давида Чавчавадзе, другая за Элико Орбельяни. Обѣ, похищенные Шамилемъ изъ Цянсдалъ, имѣнія Чавчавадзе, извѣстны своимъ плѣномъ и энергичными чертами своего характера. Семейство княгини Марьи Ивановны Орбельяни: мужъ извѣстный подъ названіемъ „мужа Марьи Ивановны“, съ калмыцкимъ выраженіемъ лица, сама княгиня бойбаба страшная; дочь хорошенькая, съ глазами маленькаго буйволенка, впоследствии вышла замужъ за Владиміра Давыдова (Graham), адъютанта кн. Барятинскаго²⁾, а затѣмъ похищена послѣднимъ и сдѣлалась фельдмаршалшею. Потомъ кн. Мухранская, сестра кн. Дадіани, красивая грузинка съ тонкими чертами, жена Ивана Мухранскаго; у другого брата его, адъютанта, жена Анна, побочная дочь какого-то царевича, проживавшаго въ Москвѣ, воспитанная за границей, отъ природы очаровательная женщина, наслѣдовавшая отъ матери-француженки все, чѣмъ увлекаютъ, и увлекающихся было много. Она овдовѣвъ чуть-чуть не сдѣлалась фельдмаршалшей и вышла за какого-то итальянскаго графа. Еще было нѣсколько княгинь и княженъ, понемногу привыкшихъ къ бѣлымъ лайковымъ перчаткамъ, къ порядочной обуви и къ дотолѣ неизвѣстной имъ опрятности. Рассказывали, что кн. Воронцовъ, желая показать что-нибудь кромѣ Грузіи этимъ княгинямъ, устроилъ для нихъ на особомъ пароходѣ поѣздку въ Крымъ, гдѣ, въ Алупкѣ, ихъ принимали по-царски, но на пароходѣ, говорятъ, онѣ оставили слѣды своего пребыванія, отъ которыхъ на силу отмылись. Начальникомъ путей сообщенія былъ узкій и тонкій, въ видѣ лезвія ножа, испанецъ генералъ Эспехо, женатый на очень милой женщинѣ³⁾, онъ потомъ

¹⁾ Единственная дочь Александра Павловича Николая, Марья Александровна, понынѣ здравствующая, замужемъ за княземъ Георгіемъ Дмитриевичемъ Шервашидзе, изъ рода владѣтелей Абхазіи, нынѣ гофмейстеръ Высочайшаго двора, состоитъ при вдовствующей Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

²⁾ Князь Александръ Ивановичъ—впоследствии Намѣстникъ Кавказскіи, фельдмаршалъ, плѣнившій Шамиля въ Гунибѣ.

³⁾ На Марія Васильевнѣ (урожденной Крюковской), вышедшей, по его смерти, замужъ за Михаила Петровича Колюбакина.

вышелъ въ отставку и поселился въ Севильѣ. Начальникъ инженеровъ, полковникъ Ганзенъ, старый, порядочно безобразный, имѣлъ молодую, очень красивую жену и адъютантомъ при себѣ и при ней Константина Петровича Кауфмана ¹⁾. Начальникомъ артиллеріи былъ старый кавказецъ Козляниновъ, небольшого роста, гостепріимный генералъ. Былъ еще старикъ Реуть, защитникъ крѣпости Шуша въ Персидскую кампанію 1826 г., старикъ Ладинскій, очень умный и хитрый правитель гражданской части. Около кн. Воронцовой ютился огромный толщины полковникъ Потоцкій, авантюристъ изъ поляковъ, выдавшій на своемъ вѣку виды, въ молодости бывшій адъютантомъ у Голивара при основаніи республики въ Южной Америкѣ; очень забавный, умный и образованный человекъ, не знавшій, куда приклонить голову и таскавшій свое грузное тѣло по экспедиціямъ, чтобы какъ-нибудь выбраться въ чины. Былъ маіоръ Толстой изъ разжалованныхъ, прошедшій огонь и воду и мѣдныя трубы. Къ числу этихъ, состоящихъ при князѣ, принадлежатъ еще маіоръ Шеміотъ, цвѣтомъ лица эііопъ и съ загадочнымъ прошлымъ, управляющій образцовою фермой, гдѣ, какъ говорили, всего только и было осель и ослица малоазіатскаго происхожденія, что однако же маіору не препятствовало частенько являться съ портфелемъ для личнаго доклада. Живъ еще былъ старикъ, полный генералъ кн. Эристовъ, когда-то серьезный воинъ при прежнихъ главнокомандующихъ. Показывался частенько отважный генералъ кн. Андрониковъ, Иванъ Малхазычъ. Состояло много грузинъ при князѣ, который очень старался ихъ втянуть и дать участіе въ служебной карьерѣ, принадлежавшее до того почти однимъ русскимъ, что также послѣднимъ не нравилось. Молодежь считала зиму въ Тифлисѣ средствомъ вздохнуть между двумя экспедиціями; если не было приглашеній, обѣдала или въ клубѣ, или въ трактирѣ у знаменитаго Крылова ²⁾ на Эриванской площади, или у Дундукова, который жилъ съ Сергѣемъ Васильчиковымъ и держалъ хозяйство, имѣлъ повара и обстановку. Каждый обѣдъ былъ болѣе или менѣе сборище и поводъ весело провести время; затѣмъ вечеромъ гдѣ-нибудь танцы. На холостыхъ пирушкахъ Минквицъ и Дундуковъ были неощѣменны, анекдотовъ и смѣшныхъ эпизодовъ было множество, свободы тоже было много. — Жизнь на Кавказѣ многимъ нравилась и тамъ заживались подолгу, какъ, напримѣръ, кн. Козловскій, Глѣбовъ,

¹⁾ Впослѣдствіи туркестанскій генералъ-губернаторъ.

²⁾ Съ 1834 г. здѣсь былъ открытъ первый въ Тифлисѣ ресторанъ Матаеи въ сороковые годы перешедшій къ Крылову.

кн. Лобановъ.—Ѣздили въ Петербургъ на зиму или въ Москву и опять возвращались дѣлать экспедицію и понемногу втягивались въ жизнь края, которая для молодежи имѣла чрезвычайную привлекательность. Между грузинами были также фавориты, какъ Элико Орбельяни, какъ Константинъ Дадіани, младшій братъ владѣтельнаго князя, отлично танцовавший лезгинку, бѣлокурый юноша, Адиль Гирей изъ горцевъ. Но всѣхъ интереснѣе былъ все-таки самъ старикъ кн. Воронцовъ. Передъ сумерками его можно было всегда встрѣтить верхомъ на большой буланой англійской кобылѣ, въ сопровожденіи одного линейнаго казака изъ ординарцевъ, въ сюртукѣ, завязаннаго башлыкомъ, съ тростью, заканчивающейся серебрянымъ крючкомъ. Князь совершалъ свою ежедневную прогулку по городу и за городъ, вглядываясь ближе и ближе, какъ бы вдвинуть Кавказъ въ западныя рамки.

За обѣдомъ Воронцовъ былъ такъ же простъ, какъ и обѣдъ его. Самъ онъ, послѣ супа, ѣлъ мясо изъ него же съ картофелемъ и огурцами, затѣмъ еще одно блюдо, пилъ хересь, подчивая другихъ крымскимъ рислингомъ своихъ садовъ, затѣмъ его обѣдъ былъ конченъ, и онъ начиналъ разговаривать. Его высокая, худая фигура, темнаго цвѣта, лицо безъ усовъ, короткіе сѣдые волосы и привѣтливая улыбка, все это было для нашего молодого воображенія украшено его прошлымъ. Въ немъ былъ и Краонъ и Георгій 2 ст. и Новороссійскій край, имъ созданный, и дворецъ Шехерезады на Крымскомъ берегу, стоявшій милліоны, и огромное богатство, и европейская извѣстность, и всѣ формы вельможи не нашихъ временъ. Княгиня около него была очень уже пожилая женщина, съ крупными чертами лица, съ польскимъ акцентомъ, мало привѣтливая и еще менѣе симпатичная женщина. Сынъ его, Семень Воронцовъ, имѣлъ скорѣе качества матери, нежели отца; онъ держался своего замкнутаго, очень небольшого кружка, былъ мало общителенъ и мало внимателенъ къ старымъ кавказцамъ, а потому и мало любимъ вообще ¹⁾.

Недолюбливали старые кавказцы и новые порядки, вводимые Намѣстникомъ, и понятно—прежде жилось спустя рукава. Дѣлались ежегодныя экспедиціи, строились укрѣпленія и штабъ-квартиры, и частные начальники наживались отъ казенныхъ денегъ. Кн. Воронцовъ нѣсколько круто повернулъ и не все было удачно. Счастливая мысль доступности къ себѣ всѣхъ жалобъ родила ящикъ при въѣздныхъ дверяхъ въ домъ главнокомандующаго

¹⁾ Въ противоположность его очаровательной сурругѣ Маріи Васильевнѣ, рожденной княжнѣ Трубецкой, бывшей въ первомъ замужествѣ за Столыпнымъ.

для опусканія просьбъ, и ящикъ этотъ сталъ наполняться доносами. Необходимость обуздать полковыхъ командировъ въ употребленіи для своихъ выгодъ солдатъ выразилась въ преслѣдованіи одного изъ нихъ—Копьева, можетъ быть менѣе другихъ виноватаго, но для примѣра преслѣдуемаго съ настойчивостью безпощадною. Постоянная стереотипная привѣтливость главнаго начальника возбудила недовѣрчивость къ тому, что она дѣйствительно выражала при этомъ. Нужно также сказать, что окружающіе князя, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Одессы, смотрѣли свысока на кавказскихъ людей и мало помогали распространенію его популярности въ первые годы его управленія краемъ. Вслѣдствіи много измѣнилось въ пользу Воронцова ¹⁾.

Сообщилъ П. Н. Исаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Многіе почтенные кавказцы, къ напримѣру Григорій Ивановичъ Филиппсонъ, ставили Воронцову въ вину разведеніе на Кавказѣ чиновничества. Что же касается до казнокрадства, то едва-ли оно ослабло при Воронцовѣ, если не усилилось.